

Рафти-Тафти Голливог

212

главы из повести

Рафти-Тафти и сюрприз

Если бы вы однажды утром увидели Рафти-Тафти в постели, вы бы сразу сообразили, почему мама зовёт его Рафти-Тафти, то есть Лохматик-Косматик. Постель у Рафти-Тафти всегда на редкость аккуратная и гладкая, потому что миссис Голливог замечательно её застилает. Она так тщательно расправляет и разглаживает бело-голубое покрывало, что вряд ли вы заметите на нём хотя бы одну морщинку. Но посмотрите на подушку: что за странный хохолок выглядывает из всего этого великолепия? Клубок чёрной пряжи? Или кусочек меха какого-нибудь дикого животного? Ничего подобного, это просто волосы маленького спящего мальчика! Они всегда взлохмачены и спутаны; немудрено, что Рафти-Тафти называют именно так, а не иначе.

Надо сказать, что Рафти-Тафти терпеть не может вылезать по утрам из постели. Он чувствует себя таким сонным, ему так тепло и уютно, так не хочется снимать свою любимую красную пижаму и надевать дневную одежду... Тем более что Рафти-Тафти не слишком разбирается в пуговицах и даже не умеет как следует завязать бант. Честно го-

воря, он не хочет и учиться этому, такой он ленивый. Он только завязывает на груди тугий некрасивый узел, который потом с трудом распутывает миссис Голливог. Это её очень сердит.

Итак, однажды утром миссис Голливог подняла полог кровати и сказала:

– Рафти-Тафти, пора вставать!

– Я ещё сплю, – пробормотал Рафти-Тафти, ныряя, как в норку, поглубже под одеяло.

– У меня для тебя сюрприз, – сказала миссис Голливог.

Рафти-Тафти любил сюрпризы. Поэтому он вынырнул.

– Сюрприз? Он живой?

– Нет.

– Может, у него есть колёса?

– Нет, у него нет колёс.

– Он гудит?

– И не гудит.

– Тогда что же это?

– Это носят, – сказала миссис Голливог. – Я сшила тебе новую курточку. Синюю.

– И всё? – Рафти-Тафти снова закрыл глаза. – Это противный сюрприз.

Это вообще не сюрприз. Это безобразия! – И он опять целиком скрылся под одеялом.

– У неё карманы, – продолжила как ни в чём не бывало миссис Голливог. – Целых три. Два наружных и один внутренних.

Рафти-Тафти подумал, что в трёх карманах могла бы поместиться целая куча полезных вещей. Конфет, карандашей, камешков и других драгоценностей.

– А ещё тут есть медные пуговицы, – сказала миссис Голливог. – С якорями! Настоящие матросские пуговицы! Ни у одного мальчика в Голливог-Виллидже нет настоящих матросских пуговиц.

Прогуляться по улице в новой куртке со сверкающими матросскими пуговицами и набитыми всякой всячиной карманами!.. Рафти-Тафти прыгнул с кровати, схватил обновку и попытался надеть её прямо поверх пижамы. Разумеется, у него ничего не получилось и пришлось терпеть, пока мама облачала его, как положено, сначала в рубашку, затем в жилет; при этом он всячески изворачивался и извивался.

Но в итоге Рафти-Тафти всё же был одет и, в то время как миссис Голливог готовила ему овсяную кашу, исследовал все три кармана и вдоволь налюбовался пуговицами с якорями. Несомненно, он был самым счастливым мальчиком в Голливог-Виллидже.

Миссис Голливог повязала ему на шею большой нагрудник и оставила Рафти-Тафти завтракать, пока она заправляет кровать.

– Только не накапай, – сказала она уходя. – Поаккуратнее.

Ничто не предвещало несчастья. Рафти-Тафти зачерпнул изрядную порцию жёлтого сахарного песка, насыпал на кашу и налил сверху маленькое молочное озерцо. И подумал, что хорошо бы сейчас мимо окна прошёл почтальон. Или мальчик-разносчик газет. Тогда бы они смогли увидеть его новую куртку. Если не помешает нагрудник...

И Рафти-Тафти из всех сил дёрнул за шнурок – раз! И ещё раз! – пока тот

не оборвался и нагрудник не полетел на пол.

В это время кто-то вошёл в калитку. Рафти-Тафти наклонился вперёд, чтобы посмотреть, кто это, и задел чашку с кашей; чашка опрокинулась – и каша полилась вниз, на новую куртку!.. Это было ужасно противное блюдо, горячее, липкое, густое... Рафти-Тафти попробовал протереть запачканное место носовым платком, но от этого лучше не стало. Тогда он решил поскорее постирать куртку, пока не вернулась мама.

Он помчался на кухню, к раковине. Плеснул в тазик воды, бросил туда куртку и принялся тщательно мылить, и тереть, и выжимать, и полоскать. Вскоре куртка уже выглядела чуть получше, но зато стала совсем мокрой, как ни пытался Рафти-Тафти выкрутить её досуха.

«Надо пропустить её через каток для белья, – решил Рафти-Тафти, – больше я ничего не могу придумать». Он сунул куртку между валиками и стал крутить ручку. Пуговицы проходили очень туго и громко трещали, но Рафти-Тафти всё-таки удалось пропустить куртку через эту штуку несколько раз.

Тут сверху послышались шаги, и Рафти-Тафти, оставив по-прежнему мокрую и всё ещё неважно выглядевшую куртку, бегом вернулся за стол. Разумеется, миссис Голливог было достаточно одного взгляда – на лужи, нагрудник, самого Рафти-Тафти, – чтобы понять, что здесь произошло. Затем она взяла в руки куртку, и Рафти-Тафти увидел, что пуговицы, великолепные матросские пуговицы с якорями, все до одной расплющились!..

Пока Рафти-Тафти переодевался, мама ещё раз постирала и выжала куртку, а вечером, когда та была уже сухой и отглаженной, срезала плоские пуговицы и пришила на их место белые круглые резинки.

Рафти-Тафти было очень стыдно. Резиновые пуговицы, как у младенцев!.. Да, но карманы-то остались невредимы! И Рафти-Тафти решил, что завтра он непременно покажет друзьям эти за-

мечательные карманы. А о пуговицах постарается забыть.

Рафти-Тафти в опасности

Жители Голливог-Виллиджа – добрые, улыбчивые, короче говоря, очень симпатичные существа. Но время от времени сюда наезжает человек отнюдь не добрый и совсем не симпатичный. Этот человек – мистер Шиллинг, торговец. Когда он в своих неизменных чёрном пальто, полосатых брюках и шляпе-котелке появляется в Голливог-Виллидже, все дети бегут прочь и прячутся кто куда сможет. И остаются в укромных местах, пока мистер Шиллинг не уедет.

Где-то далеко в городе у мистера Шиллинга магазин игрушек. Он торгует плюшевыми медвежатами, и куклами, и воздушными шарами, и прочими подобными вещами. Но кроме всего этого, он торгует голливогами. Настоящими чёрными пышноволосыми голливогами. Бедняги сидят на магазинной полке с этикетками на груди, безропотно ожидая, что кто-нибудь придёт и купит их.

Мистер Шиллинг прохаживается по Голливог-Виллиджу и кричит:

– Отличные дома для добрых голливогов! Наши цены вас устроят! Не будьте глупыми домоседами! Идите со мной и посмотрите мир! Наслаждайтесь жизнью, пока вы молоды!

Но голливогские дети закрывают руками глаза и затыкают уши. Им совершенно не хочется сидеть на полке в магазине мистера Шиллинга и быть проданными, как будто они – фунт чая.

Однажды, когда мистер Шиллинг прогуливался по Голливог-Виллиджу, Рафти-Тафти был дома один. Услышав чей-то голос, он поглядел в щёлку между занавесками и увидел мистера Шиллинга, который вещал: «Ну, кому хочется приключений?! Кто желает как следует повеселиться?! Пойдёмте со мной, и вы посмотрите мир!..» Разумеется, Рафти-Тафти обожал приключения и веселье.

Но он вовсе не был уверен, что хочет отправиться с мистером Шиллингом. Возможно, ему следовало хорошенько подумать, прежде чем что-то предпринимать, но как раз этого Рафти-Тафти и не сделал. Он потихоньку выскользнул из дома и, как маленькая чёрная тень, прячущаяся в дверных проёмах, укрывающаяся за стенами и заборами, последовал за мистером Шиллингом. Рафти-Тафти любил – наверное, воображая себя сыщиком, – незаметно наблюдать за людьми, и мистер Шиллинг казался ему как раз таким человеком, за которым легко следить. Потому что мистер Шиллинг никогда даже мельком не оглядывался.

Итак, Рафти-Тафти подкрадывался к мистеру Шиллингу всё ближе и ближе и чувствовал себя при этом в полной безопасности. Покинув Голливог-Виллидж, мистер Шиллинг вскоре остановился, чтобы привести в порядок свои туфли.

Рафти-Тафти тоже остановился; он прижался к стволу дерева, стараясь дышать как можно тише. Он был так близко к мистеру Шиллингу, что чувствовал даже запах масла, которым тот смазывал волосы. И тут мистер Шиллинг резко повернулся и ухватил Рафти-Тафти за шиворот.

– Ага! Наконец-то я тебя заполучил! – удовлетворённо воскликнул он. – Превосходный пухленький юный голливог! Мне дадут за тебя неплохие денежки, когда я тебя чуточку прихорошу. Я только пришью тебе улыбку, и ты будешь вполне готов для продажи. Я выделю тебе самое видное место на моей полке для голливогов.

Рафти-Тафти очень испугался. Ему совсем не нравился запах противного масла для волос. И вообще ничего в мистере Шиллинге. И что ни говорите, а он бы не смог вытерпеть улыбку, пришитую к его лицу.

– Отпустите меня! – всхлипнул он. – Ну пожалуйста, прошу вас, отпустите! Я уверен, что никто не захочет меня купить!..

– Ошибаешься, – усмехнулся мистер Шиллинг. – Когда у тебя будет фирмен-

ная улыбка «от Шиллинга», многие пожелают приобрести тебя. А ну полезай!

И он, раскрыв большой парусиновый мешок, швырнул Рафти-Тафти внутрь. Затем затянул горловину мешка, вскинул его на плечо и отправился дальше, насвистывая что-то себе под нос.

В мешке было темно и ужасно неудобно. Если бы у Рафти-Тафти были ножницы или нож, он бы прорезал в парусине дыру и удрал. Но ножик остался дома. А для его ногтей и зубов мешок был слишком прочен.

На всякий случай Рафти-Тафти шарил в кармашке, где он держал носовой платок. И вдруг пальцы его наткнулись на что-то крохотное и очень острое. Это была кнопка. Она навела Рафти-Тафти на дельную мысль. Может быть, если хорошенько уколоть мистера Шиллинга, он подпрыгнет от неожиданности и выронит мешок? А уж тогда Рафти-Тафти как-нибудь исхитрится улизнуть!

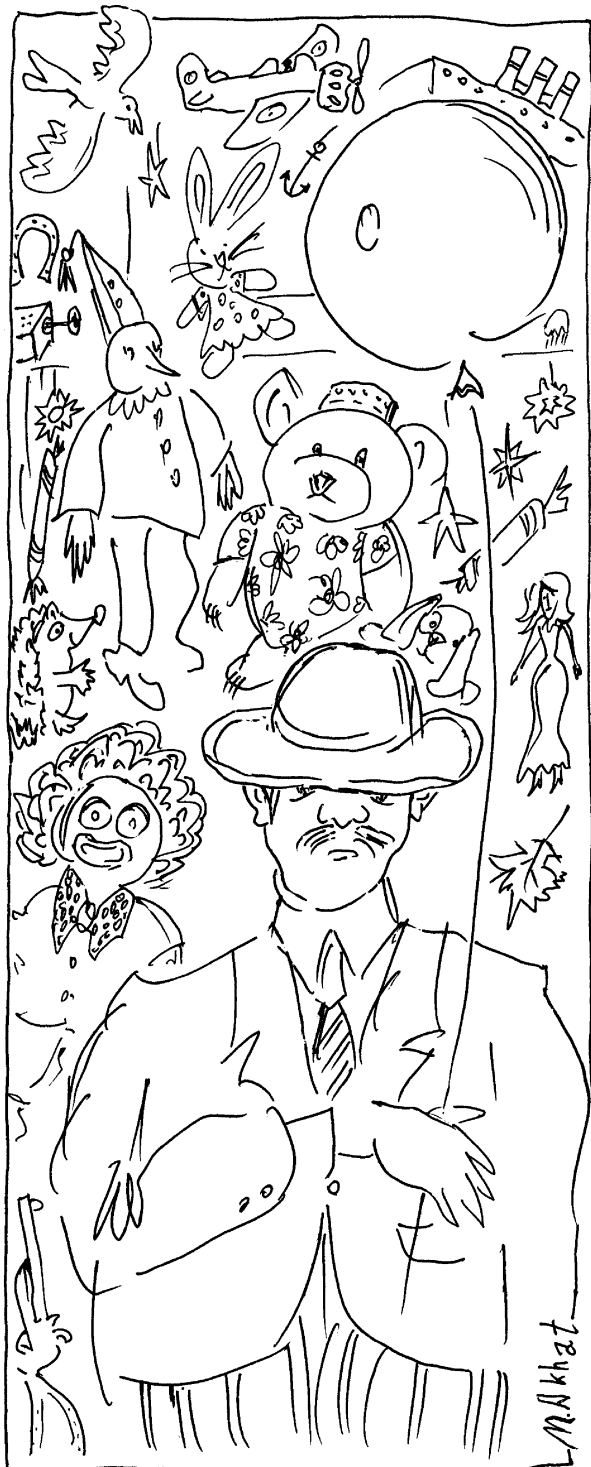
«Притворюсь, что я злая-презлая оса», – сказал себе Рафти-Тафти и громко жужжал. Бжж-бжж-бжж!.. Ззз-ззз!.. Затем он схватил кнопку и изо всех сил ткнул остриём через мешок.

Мистер Шиллинг, взвыв от боли, подпрыгнул и выронил мешок из рук.

– Это оса! Свирепая оса!.. – закричал он. – Ужасное создание! Я слышал, как оно жужжало!.. О, что же мне делать?!

Оказалось, что мистер Шиллинг не отличается особым мужеством: он принялся прыгать на месте и звать на помощь, хотя поблизости явно не было никого, кто бы пришёл к нему на выручку. Что касается Рафти-Тафти, то он лихорадочно ползал взад-вперёд по мешку, пытаясь отыскать хоть малюсенькое отверстие. Но дыр в мешке не было, а горловина была плотно затянута куском крепкой верёвки, что начисто лишало Рафти-Тафти шансов выбраться на свободу. Казалось, его замечательный план терпит полную неудачу.

Но как раз в это время над ними пролетал Филин. Он увидел на земле мешок, в котором что-то билось и бры-

калось, ринулся вниз, ухватил мешок сильным клювом и помчался прочь.

«Что бы это значило? – размышлял Рафти-Тафти, болтаясь в воздухе. – Мне уже хватит приключений. Вполне достаточно для одного дня!».

Вскоре Филин добрался до раскидистого дерева, где жила его семья.

– Ну, что у нас сегодня на ужин? – спросила Филина жена.

– Что ты принёс? – закричали три крошки-филина. – Мы хотим есть!

– Я сам не знаю, что я принёс, – ответил Филин. – Но оно тяжёлое и живое. Наверное, это молодой кролик или заяц.

Он развязал мешок и вытащил оттуда Рафти-Тафти.

– Это что, такой чёрный кролик? – спросил один из малышей.

– А где же длинные уши? – спросил другой. – Нет, это не кролик.

– Может быть, это чёрная кошка?

– Чёрный младенец?

– Что-то вроде куклы?

Они явно не имели представления о голливогах.

– В любом случае это что-то пухленькое и приятное, – сказала жена Филина. – И, кажется, очень нежное. Это будет замечательный ужин, тем более что однообразие в еде вредно для здоровья. Только не нужно жадничать и спешить, этой густой шерстью можно подавиться. И потом, сначала надо его очистить...

И она стала снимать с Рафти-Тафти куртку.

– Пойдите! Пойдите! – закричал Рафти-Тафти. – Я не то, что вы думаете! Я голливог! Меня нельзя есть!

– Это почему? – спросили голодные птенцы.

– Потому что я ядовитый! Если вы меня съедите, все ваши перья вылезут!

– Ах, какая досада! – сказала жена Филина. – Мы не можем так рисковать. Видимо, с ужином ничего не получится. Поверьте, мистер, нам страшно неловко. И большое спасибо за предупреждение, это так благородно с вашей стороны...

– Не за что, – сказал Рафти-Тафти. – А вообще я думаю, что мне пора домой. Простите и вы меня, ведь вы так и не поужинали. До свидания!

Он слез с дерева и со всех ног помчался домой.

Мама, конечно, стояла у калитки и высматривала куда-то запропастившегося сына. Она крепко обняла его и дала сразу шесть шоколадных бисквитов – так она была рада, что он цел и невредим.

«Никогда в жизни я теперь не подойду близко к мистеру Шиллингу, – сказал себе Рафти-Тафти, поглощая очередной бисквит. – Я повидал мир, я немало испытал. И, честное слово, дома мне нравится гораздо больше».

Рафти-Тафти приходит на помощь

Ослепительная улыбка – это сказано о голливогах. Улыбаясь – а жители Голливог-Виллиджа, как уже упоминалось, любят это делать – голливог демонстрирует два ряда сверкающих белых зубов, белых как снег, особенно в сравнении с его чёрными щеками.

Рафти-Тафти улыбается почти всегда, и это потому, что он почти всё время счастлив. Но и у него порой бывает печальный вид. Это когда он вспоминает о несчастных голливогах, сидящих на полке в магазине мистера Шиллинга в ожидании, пока их кто-нибудь купит.

Однажды Рафти-Тафти сказал своей подружке Розе:

– Как думаешь, Розе, можем мы как-нибудь помочь бедным голливогам из магазина мистера Шиллинга?

– Вряд ли, – грустно ответила Розе. – Город так далеко, а мистер Шиллинг такой хитрый. Он наверняка держит двери и окна на запоре.

– А мне кажется, мы управимся, – сказал упрямый Рафти-Тафти, – особенно если пойдём ночью. Давай попробуем?

– Ну разве что ночью, – сказала Роза. – Давай!

Повозка отправлялась в город на закате, когда ребяташкам подошло время ложиться в кровать. Рафти-Тафти и Роза сделали вид, что ужасно устали и хотят спать, поэтому их уложили раньше, чем обычно. Как только мамы пожелали им спокойной ночи и удалились, друзья соскочили с кровати, бесшумно оделись и прокрались к дверям. Они встретились на окраине Голливог-Виллиджа и немного спустя услышали стук копыт. В повозке, на их счастье, не было никого кроме возницы. Забравшись туда, они легли и, как обычно бывает в дороге, скоро задремали. А когда открыли глаза, то были уже в городе.

– Я вернусь в Голливог-Виллидж только завтра утром, – сказал возница.

– Прекрасно, – сказали Рафти-Тафти и Роза.

– Город – небезопасное место для маленьких голливогов, – сказал возница. – Весьма небезопасное.

– Не беспокойтесь, мы будем осторожны! – ответили Рафти-Тафти и Роза. – Мы сможем о себе позаботиться!

Они спрятались в кусты, решив дождаться ночи, и, пока сидели там, съели кучу ирисок, которые Роза взяла с собой.

– Мы останемся здесь, пока не выйдут звёзды, – сказал Рафти-Тафти.

Чтобы не скучать, они рассказывали друг другу всякие истории и загадывали загадки. Наконец в небе замерцали звёзды и над верхушками деревьев поднялась луна. Они вышли из своего укрытия и пошли по пустынной улице к магазину игрушек – две маленькие чёрные фигурки с двумя маленькими чёрными тенями.

Город спал. Не было видно ни одного прохожего, и ни одно окно не светилось. Голливоги казались единственными бодрствующими существами на этих улицах.

Дверь магазина мистера Шиллинга, разумеется, была заперта. Закрыт оказался и чёрный ход. Друзья проверили

все окна, до которых смогли дотянуться. И каждое из них было закрыто ставнями и заперто на задвижку.

– Остаётся только дымоход, – сказал Рафти-Тафти. – Видишь водосточную трубу? По ней мы должны забраться на крышу.

И он осторожно полез вверх, упираясь ногами в неровности кирпичной стены. Роза последовала за ним. Вскоре они были на месте.

Роза старалась не глядеть на трубу. Там было очень темно, и оттуда неприятно пахло. Не задохнутся ли они в сажу? А может быть, внизу пылает огонь, и они заживо изжарятся? Или застрянут на полпути?

Но Рафти-Тафти был очень смелый.

– Я пойду первый, – сказал он. – Если боишься, то можешь подождать здесь.

– Нисколько не боюсь, – сказала Роза, и её зубы клацнули. – Вот ещё! Если ты пойдёшь, то и я пойду.

Рафти-Тафти набрал в грудь побольше воздуха и нырнул в трубу. Роза сделала то же самое.

Это было ужасное место. Они то и дело больно стучались локтями о стену и глотали противную сажу. Казалось, дымоход никогда не кончится. Но наконец нога Рафти-Тафти ступила на что-то твёрдое, и вскоре они с Розой стояли рядом с каминной решёткой и пытались отдышаться. Вокруг была полная темнота, и сколько Рафти-Тафти ни вглядывался, он ничего не мог увидеть в комнате.

Зато они кое-что услышали. Звук был очень неприятный, вроде громкого хрюканья.

– Мистер Шиллинг держит поросёнка, – прошептала Роза. – Как странно – поросёнок в квартире.

– Я зажгу факел, – сказал Рафти-Тафти. – Посмотрим, что за поросёнок.

Маленький факел рассеял тьму, и друзья онемели от удивления. Там не было поросёнка. Это храпел лежащий на кровати мистер Шиллинг. Длинные усы его подпрыгивали при каждом вы-

дохе. И ещё в комнате сильно пахло маслом для волос.

На стуле рядом с кроватью лежала аккуратно сложенная одежда. А на столе – щётка для волос и... связка ключей!

Рафти-Тафти схватил ключи, и друзья, стараясь ничего не задеть, стали спускаться по лестнице на первый этаж, в магазин. Как только они вошли в зал, с высокой полки, где сидели голливоги всех размеров, раздались взволнованные голоса:

– Вы пришли спасти нас?

– Да! – сказали Рафти-Тафти и Розы.

Они помогли голливогам спуститься с полки, сняли с них и бросили на пол все этикетки. Затем ключом из связки легко открыли дверь магазина. Но как добраться в Голливог-Виллидж? Это далеко, а среди пленников мистера Шиллинга есть и младенцы. Ждать повозку? Но мистер Шиллинг может каждую минуту проснуться и поймать их!

– Я знаю, что делать! – сказал вдруг Рафти-Тафти. – Сейчас мы все поедем домой. Выбирайте! – И он махнул рукой в сторону других полок магазина. Полки, где стояли, ожидая покупателей, многочисленные и самые разнообразные игрушечные автомобили, мотоциклы, паровозы и даже велосипеды.

Голливоги дружно побежали к машинам, и каждый выбрал себе транспорт по вкусу. Малышей Розы уложила в кукольные детские коляски, а коляски привязала скакалкой к автомобилям. Рафти-Тафти забрался в кабину зелё-

ного паровоза и, нажимая на педали, уверенно повёл его вперёд. Он жалел только, что нельзя дёрнуть за верёвочку и дать гудок. Это могло разбудить мистера Шиллинга.

Когда все собрались на тротуаре перед магазином, Рафти-Тафти закрыл входную дверь и бросил ключи в прорезь ящика для писем. Затем он дал команду, и машины со счастливыми голливогами рванулись с места и вскоре скрылись в темноте. Вначале все ехали молча, но когда город остался позади, они начали громко смеяться, и кричать от восторга, и звонить в звонки, и пронзительно свистеть, и давать победные гудки.

Как только караван достиг Голливог-Виллиджа, там зажглись все окна, раздёрнулись занавески, открылись двери, так как каждый хотел посмотреть, что это за суматоха на улице. Когда папы и мамы-голливоги увидели спасённых из магазина мистера Шиллинга малышей, они немедленно разобрали их по домам, кто одного, кто двоих – кому сколько досталось. Они крепко обняли и поцеловали своих новых детей, и накормили, и уложили в кровать. А на завтра утром новые мамы сняли с них мерки для новых платьев, а новые папы поставили для них качели и качалки в саду.

А Рафти-Тафти и Розы только и делали что улыбались, и улыбки эти были шире, чем обычно. У них появилось много новых друзей, и машины, и паровозы, и велосипеды – попробуйте сказать, что здесь нет причины для хорошего настроения!

*Перевёл с английского
Борис Вайнер*

